

Дженет
Уинтерсон

The BEST

Тайнопись плоти

[роман]

18+

XX век / XXI век – The Best

Дженет Уинтерсон

Тайнопись плоти

«Издательство АСТ»

1992

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Уинтерсон Д.

Тайнопись плоти / Д. Уинтерсон — «Издательство АСТ»,
1992 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-133367-6

Дженет Уинтерсон (р. в 1959 году) – английская писательница, член Королевского литературного общества, лауреат множества литературных премий. Ее роман «Тайнопись плоти» – одна из главных, знаковых книг современной англоязычной литературы. «Любовь не имеет пола» – такова ключевая мысль «Тайнописи плоти», поскольку для читателя так и останется тайной, мужчина или женщина рассказывает историю своей невозможной, неистовой, всепоглощающей страсти к замужней женщине, ставшей единственным смыслом и целью существования, болью и радостью, мукой и почти одержимостью.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133367-6

© Уинтерсон Д., 1992

© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Дженет Уинтерсон

Тайнопись плоти

Jeanette Winterson
WRITTEN ON THE BODY

Печатается с разрешения The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency LLC.

© Jeanette Winterson, 1992

© Перевод. И. Замойская, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

С любовью – Пегги Рейнолдс

Благодарю за гостеприимство Дона и Рут Ренделл, предоставивших мне место для работы, Филиппу Брюстер, так много сделавшую для выхода этой книги, и сотрудников издательства «Джонатан Кейп», усердно работавших над подготовкой издания.

Почему любовь должна измеряться утратой?

Дождя не было уже три месяца. Деревья исследуют недра, буравя сухой грунт остриями корней, чтобы найти и вскрыть хоть какую-нибудь водную артерию.

Виноградные грозди засохли прямо на лозах. То, что должно было быть полным и твердым, сопротивляться касанию, прежде чем отдаться губам, сморщилось и увяло. Раньше мне доставляло удовольствие перекачивать пальцами темно-синие виноградины, выдавливая себе на ладони пахнущую мускусом мякоть. Но в этом году коричневые шкурки не привлекают даже ос. Даже ос. Так было не всегда.

Мне вспоминается сентябрь: Голуби Алый Адмирал Желтый Колос Оранжевый Закат. Ты сказала: «Я тебя люблю». Интересно, почему самое банальное, что мы можем сказать друг другу, все равно очень хочется слышать? «Я тебя люблю» – всегда цитата. Не ты первая сказала это, и не я, однако ты их произносишь, а я вслед за тобой, и мы говорим, как дикари, что выучили три этих слова и твердят их, словно молитву. Тогда они были молитвой и для меня, но сейчас больше нет никого на скале, вытесанной из моего тела.

Вы речь мне дали только для того, Чтоб проклинать. Заешь краснуха вас. За то, что говорю я¹.

Любовь требует выражения. Она не будет стоять тихо, ждать, не будет хорошо себя вести, не будет скромничать, мелькать поодаль, не шуметь, о нет. Она воздаст хвалы на языках, достигнет ноты столь высокой, что разобьет бокалы и расплещет то, что в них. Это вам не любовь к природе, это охота на крупную дичь. И дичь эта – вы сами. Будь она проклята, эта игра. И как можно выиграть, когда все меняется на ходу? Я назову себя Алисой, что играет в

¹ Шекспир. Слова Калибана из пьесы «Буря» (акт I, сцена 2, перевод М. Кузмина). – *Здесь и далее примеч. ред.*

крокет, зажав под мышкой фламинго. В Стране чудес все хитрят, любовь – это и есть Страна чудес, не так ли? Любовью вращаются миры. Любовь слепа. Все, что вам нужно, – это любовь. Однако никто не умирает от разбитого сердца. Ничего – переживешь. Все будет иначе, когда мы поженимся. Подумай о детях. Время лечит все. Ты до сих пор ждешь своего принца? Принцессу? Или может быть, целого выводка маленьких принцев и принцесс?

Все беды от клише. Точные чувства требуют точности выражения. А если я не испытываю ничего точного, любовь ли это вообще? Любовь вызывает такой страх, что хочется запихать ее в груды выброшенных на помойку розовых и пушистых игрушек, а себе послать стандартную открытку: «Поздравляем с помолвкой!» Нет, что это я, совсем ум за разум зашел, нет никакой помолвки. Я изо всех сил смотрю в другую сторону, чтобы любовь меня не заметила. Я соглашусь на плохой пересказ, на небрежный язык, на ненужные жесты. На просиженное кресло клише. Все правильно, миллионы задов сидели в нем до меня. Пружины разболтаны, ткань вонюча и привычна. Чего мне бояться? И мои дед с бабкой так делали: вот, видите – это он, в стоячем воротничке и клубном галстуке, а вот она – в белом муслиновом платье, немного шурится на жизнь, что протекает где-то внизу. Они так поступали, мои родители так поступали, почему бы и мне так не поступить, а? Вот я стою, раскинув руки в стороны – нет, я не удерживаю тебя, просто пытаюсь сохранить равновесие, когда бреду сомнамбулой к тому креслу. Как мы будем счастливы. Как все будут счастливы. И все они жили долго и счастливо.

Жаркое августовское воскресенье. Я шлепаю по мелководью, где мальки дразнят солнышко животиками. По берегам реки на подлинной зеленой травке яркими пятнами психоделической живописи разбросаны спортивные шорты из лайкры и гавайские рубашки, сделанные на Тайване. Обычный семейный портрет – так любят позировать все семьи: брюхо папаши подпирает газету, мамаша скорчилась над термосом. Детки, худющие, как палки на прибрежных скалах, и обгоревшие, как сами скалы. Увидев, как ты входишь в воду, мамаша вздымает телеса с полосатого пляжного стульчика:

– Бесстыжая! Здесь же дети!

Ты смеешься и машешь рукой, твое тело искрится под водой. Чистый изумрудный поток повторяет твои формы, поддерживает тебя, река хранит тебе верность. Ты переворачиваешься на спину, твои соски скользят на поверхности, а река украсила твои волосы бусами. Ты вся молочно-белая, только волосы, рыжие волосы выются по бокам.

– Я сейчас позову мужа! Джордж, иди сюда! Сюда, Джордж!

– Ты что, не видишь? Я смотрю телевизор! – не оборачиваясь, бурчит тот.

Ты поднимаешься из реки, и вода стекает по твоему телу серебристыми ручьями. Забыв обо всем на свете, я иду к тебе прямо по воде. Целую тебя, ты обнимаешь меня – прохладные руки на моей обожженной спине. Ты говоришь:

– Здесь нет никого, кроме нас с тобой.

Я оглядываюсь: вокруг пустые берега.

Ты не хотела, чтобы мы бросались теми словами, что вскоре стали нашим личным алтарем. До встречи с тобой мне доводилось говорить их тысячу раз, бросать монетками в колодец желаний, надеясь, что они помогут мне стать собой. Слова слетали с моих губ по всякому поводу – но не тебе. Как незабудки девушкам, которые сами должны понимать, что к чему. Кнут и пряник. Конечно, мне противно думать о себе как о человеке неискреннем, однако если я говорю, что люблю, но вовсе этого не чувствую, то как еще мне себя называть? Хочу ли я лелеять тебя, обожать тебя, уступать тебе, становиться ради тебя лучше? Хочу ли я, глядя на тебя, видеть тебя всегда? Всегда говорить тебе правду? И если любовь складывается не из этого, то из чего тогда?

Август. Мы спорим. Ты хочешь, чтоб в любви всегда так было, правда? 92 градуса по Фаренгейту в тени. Так интенсивно, так жарко, и чтобы солнце своей дисковой пилой вгрызлось в твое тело. Может, все дело в том, что ты из Австралии?

Ты не отвечаешь, просто держишься за мою горячую руку своими прохладными пальцами, а сама шагаешь дальше в своем шелке и льне. Я чувствую себя глупо. На мне шорты с татуировкой «РЕЦИКЛ» на одной половине. Смутно помню, была у меня когда-то подружка, которая считала, что разгуливать перед памятниками в шортах неприлично. Перед нашими свиданиями мне приходилось пристегивать свой велик на парковке Чаринг-Кросс и переодеваться в общественном туалете, прежде чем встретиться с ней у колонны Нельсона.

– К чему? – как-то пришло мне в голову. – Ведь у него всего один глаз.

– Зато у меня два, – поцеловала она меня в ответ. Глупо подкреплять нелогичность поцелуем, однако и я поступаю точно так же.

Ты по-прежнему не отвечаешь. Почему людям так нужны ответы? Отчасти потому, как мне кажется, что без ответа, неважно какого, вопрос вскоре начинает звучать ужасно нелепо. Попробуйте, стоя перед классом, спросить, какой город – столица Канады. Глаза смотрят на вас, некоторые равнодушны, некоторые откровенно враждебны, а некоторые и вообще не смотрят. Вы снова задаете тот же вопрос. «Какой город – столица Канады?» И ожидая в молчании ответа, вы чувствуете себя совершенной жертвой, мало того – сами начинаете сомневаться. Какой город на самом деле – столица Канады? Оттава? Почему Оттава, а не Монреаль? Монреаль гораздо симпатичнее, там готовят хороший кофе эспрессо, к тому же у вас там живет друг. Да и вообще, какая разница, что у них за столица, все равно они ее, возможно, сменят в следующем году. Может, Глория сегодня придет вечером в бассейн. И так далее.

А вопросы посерьезнее, те, на которых не бывает одного ответа, те, на которых вообще не бывает ответов – в молчании с ними справиться сложнее. Раз высказанные, они не испаряются, не становятся мечтательной дымкой. Раз высказанные, они приобретают форму и плотность, цепляются за ноги на ступеньках, пробуждают ночью ото сна. Черная дыра поглощает все, что ее окружает, и даже свету от нее не спастись. А может, лучше вовсе ничего не спрашивать? Лучше быть довольной свиньей, чем неудовлетворенным Сократом? Но на сельскохозяйственных фермах со свиньями поступают хуже, чем с философами, поэтому я рискну.

Мы вернулись в снятую комнату и вдвоем легли на одну из односпальных кроватей. Во всех таких комнатах от Брайтона до Бангкока покрывала по цвету не соответствуют коврику, а полотенца слишком тонкие. Я подкладываю одно под тебя, чтобы не запачкать простыню. У тебя течет кровь.

Идея снять комнату принадлежала тебе, мы хотели быть вместе постоянно, а не только за обедом и ужином, не только за чаем в библиотеке. Вы тогда еще не развелись. Хотя мне угрызения совести не свойственны, опыт заставил меня испытать их в том, что касается благословенных союзов. Раньше мне казалось, что современный брак – зеркальное стекло витрины, что так и просит кирпича. Показуха, самодовольство, подхалимаж, скупость, себялюбие. Вот двигаются по улице две супружеские пары – мужчины вместе впереди, женщины в хвосте, ни дать ни взять цирковая упряжка. Мужчины подносят от стойки джин с тоником, женщины удаляются в туалет со своими ридикулями. Так быть не должно, но чаще всего так есть. Мне пришлось повидать много браков. Нет, не как главному действующему лицу – всего лишь с галерки. И мне стало ясно, что всегда повторяется одна и та же история. Примерно так:

Интерьер. После полудня.

Спальня. Занавески полураздвинуты. Разметанные простыни. На кровати, глядя в потолок, лежит нагая женщина определенного возраста. Она хочет что-то сказать. Ей трудно. Из кассетника доносится голос Эллы Фицджералд: «Леди поет блюз».

Нагая женщина:

Я хотела сказать тебе, что обычно этим не занимаюсь. Наверное, это называется адюльтер. (Смеется.) Никогда не занималась этим прежде. И не знаю, смогу ли еще раз решиться. Ну, с кем-то еще, я не имею в виду тебя. О, с тобой я хочу заниматься этим снова и снова, опять и опять. (Перекатывается на живот.) Понимаешь, я люблю своего мужа. Он совсем не похож на других мужчин. Иначе я не вышла бы за него. Он другой, у нас с ним много общего. Мы с ним разговариваем.

Кто-то проводит пальцем по ее губам. Лежа сверху, пристально смотрит на нее, не произнося ни слова.

Нагая:

Мне кажется, если бы я не встретила тебя, тогда бы мне следовало искать что-нибудь другое. Например, могла бы получить степень в Открытом университете, но я не никогда не думала об этом. Не хочу причинять ему лишнего беспокойства. Вот почему я не могу ему ни в чем признаться и почему нам приходится таиться. Я не хочу быть жестокой и эгоистичной. Ты ведь понимаешь, правда?

Кто-то встает и направляется в туалет. Женщина приподнимается на локтях и продолжает монолог, повернувшись к ванной.

Нагая:

Не задерживайся, любовь моя! (Пауза.) Я пыталась выбросить тебя из головы, но мое тело сильнее меня. Я думаю о тебе день и ночь. Когда я читаю, я читаю тебя. Когда я ем, я ем тебя. Когда он прикасается ко мне, я думаю о тебе. У нас счастливый брак, так почему же я без конца думаю о твоём теле и вижу перед собой твоё лицо? Что ты со мной делаешь?

Камера показывает ванную. В ней кто-то плачет. Конец сцены.

Конечно, было бы слишком лестно думать, что это вы и только вы могли вызвать такое. Что без вас брак при последнем издыхании, каким бы жалким ни был, если б и не процветал на такой скудной диете, то по крайней мере бы не увял окончательно. Он давно уже испустил дух, скукожился и никому не нужен, осталась одна раковина, которую покинули оба. Правда, есть люди, которые коллекционируют раковины, тратят на них деньги, выставляют в витринах. Другие ими любят. Мне доводилось видеть довольно знаменитые раковины, а множеству других – дуть в полость. Иногда после меня на раковине остаются заметные трещины, и владельцы просто разворачивают ее так, чтобы дефект скрывался в тени.

Видите? Даже здесь, в укромном уголке вдали от всех, мой язык идет на поводу у обмана. Нет, моей вины во всем этом нет: не я срываю замки, не я вламываюсь в дверь, не я беру чужое. Двери уже были открыты. Конечно, не она сама их открывала. На это имелся дворецкий по имени Скука. Она говорила: «Скука, устрой что-нибудь веселое». Он отвечал: «Будет сделано, мадам» – и натягивал белые перчатки, чтобы мне не удалось опознать его, когда он откроет дверь в мое сердце, чтобы мне казалось, будто имя его Любовь.

Вы думаете я пытаюсь избежать ответственности? Нет, я отдаю себе отчет и в прежних, и в нынешних своих поступках. Никогда не приходило мне в голову пойти к церковному алтарю, в отдел регистраций, клясться в любви до гроба. Мне не доставало смелости. Не доставало решимости вымолвить: «Пускай нас свяжет это кольцо». Сказать: «Я обожаю тебя всем своим телом». Да и как можно сказать такое и без зазрения совести трахать кого-то другого? Если вы дали такие клятвы и нарушили их, разве не следует и заявить об этом в открытую?

Удивительно, что брак, дело столь публичное и доступное взорам, порождает и самую тайную из связей – измену.

У меня была одна любовница, ее звали Вирсавия. В браке она была счастлива. С нею мне стало понятно, что такое плавать на подводной лодке. Мы не могли встречаться с нашими друзьями, по крайней мере, она не звала своих, поскольку они были и его друзьями тоже. Моим тоже ничего нельзя было говорить – об этом просила она. Мы медленно погружались все глубже в наш ограниченный любовью, выстеленный свинцом гроб. Говорить правду, утверждала она, это роскошь, которую мы не можем себе позволить, и ложь превращалась в добродетельную экономию, которой мы придерживались. Говорить правду было больно, поэтому ложь стала подвигом. Два года меня не покидала надежда, что она в конце концов все-таки, все-таки решится от него уйти, а потом у меня вырвалось:

– Я пойду к нему и все расскажу!

В ответ она заявила, что это «чудовищно!». Чудовищно будет сказать ему такое. Чудовищно! Мне вспомнился прикованный к скале Калибан: «Заешь краснуха вас за то, что говорю я».

После, когда удалось вырваться из этого ее мирка двоемыслия и масонских знаков, мне пришлось научиться воровать. До того не было нужды красть у нее что бы то ни было – она сама выкладывала свой товар на одеяло и просила выбирать. (В скобках указывалась цена.) Когда же мы расстались, мне захотелось получить от нее свои письма. Но она сказала, что, хотя авторское право остается за мной, письма эти – ее собственность. То же самое она говорила и о моем теле. Наверное, это некрасиво – залезть в ее чулан и забрать свое. Найти письма не составило труда – она сложила их в большую мягкую сумку и надписала на бирке «Оксфама», что это следует возвратить мне в случае ее смерти. Как трогательно: он, безусловно, должен был прочесть письма, но ее в тот момент уже не будет, чтобы испытать на себе последствия. А мне бы захотелось их читать? Наверное. Как трогательно.

Пока костер, разожженный в саду, пожирал один за другим листки моих писем, меня терзали мысли о том, как легко сжечь прошлое и как трудно его забыть.

Вы уже поняли, что со мной так бывало снова и снова? Думаете, мне постоянно приходится залезать в чуланы замужних женщин? На высоте у меня голова не кружится – это в глубинах мне становится плохо. Странно, что я вообще туда попадаю.

Мы лежали на постели в снятой комнате, и ты брала из моих рук сливы, что переливались всеми оттенками синяка. Природа изобильна, но переменчива. Один год морит голодом, а другой убивает изобилием любви. Тогда ветви деревьев клонились от тяжести плодов до земли, а ныне они, голые, плачут на ветру. Ни единой спелой сливы, хотя сейчас август. Не ошибаюсь ли я в этой сомнительной хронологии? Может, следует припомнить глаза Эммы Бовари или платье Джейн Эйр? Не знаю. Сейчас я в другой комнате и пытаюсь понять, с какого момента все пошло не так. Где мы сбились с курса? Ты уплыла, а я все путаюсь в своих навигационных картах.

Ладно, тем не менее продолжу. Там были сливы, и ты брала их у меня из рук. Ты сказала:

– Почему я тебя так пугаю?

Пугаешь? Да, пугаешь, это правда. Ты ведешь себя так, будто мы вместе навсегда. Ты ведешь себя так, будто время бесконечно и наше счастье никогда не кончится. Но как я могу в это поверить? Мой опыт подсказывает, что все хорошее быстро кончается. То есть теоретически ты, конечно, права, и квантовая физика права, и религия права, и романтики тоже правы. Время бесконечно. Но на самом деле мы всегда смотрим на часы. И если я подхлестываю нашу связь, то потому, что боюсь за нее. Боюсь, где-то есть закрытая для меня дверь, в любую минуту она может открыться, и ты исчезнешь из моей жизни. И что потом? Простукивать стены, как

инквизиция в поисках сбежавшего святого? Где я найду подземный тайный ход к тебе? Я останусь взаперти в этих четырех стенах.

Ты сказала:

– Я собираюсь уйти.

О да, ты вновь вернешься в свою раковину. А я останусь в дураках. И ведь надо же было столько раз повторять себе: не влипай!

Ты сказала:

– Перед тем как мы ушли сегодня, я сказала ему, что, даже если ты и передумаешь, не передумаю я.

Это не тот сценарий. Здесь мне следует преисполниться праведного гнева. Здесь ты должна бы залиться слезами и сказать, как тяжело тебе ему признаться, и что же тебе делать, что же тебе делать, и что я, конечно, тебя возненавижу за это, да, ты знаешь, что я тебя буду проклинать, и так далее, и ни одного вопроса ко мне в этом монологе, поскольку дело уже решенное.

Но ты смотрела на меня, как Бог смотрел когда-то на Адама – с любовью и гордостью, и от этого взгляда меня охватила растерянность. Захотелось немедленно бежать и найти фиговый листок, чтобы прикрыться. Стыд и срам – не подготовиться к такому, не справиться с ним.

Ты сказала:

– Я люблю тебя, из-за этого вся остальная моя жизнь кажется ложью.

Разве такое возможно? Возможно ли, что она сказала такую простую и очевидную вещь? Или это я терплю кораблекрушение и выуживаю из моря пустые бутылки, чтобы прочесть записки, которых в них нет? Но ты же здесь, ты рядом, ты – как добрый джинн, ты вырастаешь в десять раз, высишься надо мной, руки твои подобны отрогам гор. Твои рыжие волосы пылают огнем, и ты говоришь:

– Загадай три желания, и все исполнится. Загадай три сотни желаний, и я почту за честь выполнить любое.

Чем мы занимались в тот вечер? Прогулялись, не разжимая объятий, в кафе, которое было нашей церковью, и съели по греческому салату, у которого был вкус свадебного пирога. Встретили по дороге кота и уполномочили его быть нашим свидетелем, а свадебными букетами стал кукушкин цвет по берегам канала. К нам пришло больше двух тысяч гостей, но в основном – мошकारа, и мы чувствовали себя такими старыми, что не было жалко раздаривать им себя. Заниматься любовью под луной хорошо лишь в песнях кантри или в кино, а на деле от этого бывает только зуд.

У меня как-то была подружка, которая просто торчала от звездных ночей. Она считала, что на кроватях спят только в больницах. Всякое место, не покрытое ничем мягким, казалось ей пригодным для секса. При виде пуховика она немедленно включала телевизор. Мне приходилось с этим мириться, где только можно – в кемпингах и в каноэ, в вагонах «Бритиш Рейл» и в салоне «Аэрофлота». Пришлось купить сначала футон, затем – гимнастический мат, постелить на пол толстенный ковер, носить с собой клетчатый плед и уподобиться спятившему члену партии шотландских националистов. В конце концов, когда мне в пятый раз пришлось посетить врача, чтобы удалить кое с каких мест колючки чертополоха, он заметил:

– Любовь, конечно, вещь прекрасная, но знаете, для таких, как вы, есть специальные клиники.

Мне вовсе не улыбалось занять в своей медицинской карточке запись «склонности к извращениям», а кроме того, романтика романтикой, но некоторые унижения – это чересчур. Так что мы сказали друг другу: «Прощай», и хотя я скучаю по некоторым вещам, вспоминая о ней, мне все же приятно прогуливаться на природе, не ожидая никаких неприятностей от кустарника или придорожных зарослей.

Луиза, на той узкой кровати, на тех ярких простынях мной овладело страстное желание разведать тебя, как охотник за сокровищами разведывает маршрут. Мне хотелось познать и освоить тебя, и ты бы перекроила меня по своему желанию. Мы пересечем границы друг друга и превратимся в единую страну. Зачерпни руками с моей тучной нивы, пусть плоды мои будут сладкими для тебя.

Июнь. Самый влажный июнь на моей памяти. Мы занимались любовью каждый день. В наслаждении нашем мы были жизнерадостны, как жеребята, похотливы, как кролики, невинны, как голуби. Мы не думали об этом, да у нас и не было на это времени. Мы использовали все время, что было в нашем распоряжении. Те краткие дни и мимолетные часы были нашим маленьким приношением божеству, которого не умилоstitвить сожжением плоти. Мы поглощали друг друга и не могли насытиться. Были мгновения отдыха, моменты спокойствия, словно гладь искусственного озера, но за спинами у нас всегда рокотала новая приливная волна.

Есть люди, полагающие, что секс не важен в отношениях. Дружбы и умения ладить друг с другом хватит на много лет. Безусловно, они верят в то, что говорят, но истинно ли это? Передо мной тоже вставал этот вопрос. Да и кто не признал бы его истинным после того, как много лет играл Лотарио и в конце концов обнаружил, что истратил все деньги со счета и остался лишь с несколькими пожелтевшими любовными письмами, как долговыми расписками? До смерти заезжены свечи и шампанское, букеты роз, завтраки на рассвете, трансатлантические телефонные звонки и внезапные перелеты. Все это казалось мне необходимым, чтобы избежать какао перед сном и грелок в постель. Обжигающее пламя представлялось мне более желанным, чем центральное отопление. Но за этим таилась ловушка клише: оказалось, что мои излишества ничем не отличаются от украшенных розанами дверей моих предков. Совершенство мне представлялось непрерывным оргазмом, без сна, без отдыха. Бесконечный экстаз. Меня засосало в помойку любовного романа. Драйва, конечно, в нем будет побольше – мне всегда больше нравились машины спортивного типа, – но нельзя же постоянно выжимать сцепление из реальной жизни. Все кончается тем, что вас заарканивает какая-нибудь домашняя девочка. Так все и было.

У меня была когда-то подружка-голландка Инга, и роман наш уже заканчивался последними бурными спазмами. Она была убежденным романтиком и анархофеминисткой при том. Ей было трудно, ведь при таком сочетании невозможно взрывать красивые здания. С одной стороны, она верила, что Эйфелева башня – отвратительный символ диктатуры фаллоса, но когда ее руководство приказывало взорвать лифт, чтобы никто не мог произвольно измерять эту гигантскую эрекцию, у Инги перед глазами вставали юные романтики, с высоты любующиеся Парижем и распечатывающие радиogramмы со словами «Je t'aime»².

Мы пошли с ней в Лувр на выставку Ренуара. Инга надела свою вязаную шапочку, которую обычно носила на боевые задания, и сапоги, чтобы ее не приняли за туристку. То, что пришлось платить за билеты, она оправдывала тем, что проводит «политическое исследование».

– Только глянь на этих ню! – тыкала меня в бок она. По правде сказать, совет был излишним. – Сплошь голые тела, униженные, выставленные на всеобщее обозрение. И как ты думаешь, сколько за это получали несчастные модели? Едва ли им хватало на кусок хлеба. Сорвать бы их со стен – и можно идти в тюрьму с криками «Vive la resistance!»³.

Ренуаровские ню – не самые утонченные на свете, но, несмотря на это, когда мы подошли к «Булочнице», Инга рыдала.

– Ненавижу все это, потому что оно меня трогает!

² Я тебя люблю (фр.).

³ Да здравствует сопротивление! (фр.)

Мне не хотелось говорить, что вот так и рождаются тираны, пришлось ограничиться замечанием:

– Но ведь это не художник, а всего лишь краска. Забудь про Ренуара, думай только о картине.

Она ответила:

– Разве ты не знаешь, что Ренуар писал все это своим членом?

– Еще бы. Чем же еще он мог писать? Когда он умер, у него между ног нашли только засохшую кисточку.

– Врешь, наверное?

Вру?

В конечном итоге мы разрешили Ингину эстетическую дилемму, подложив «семтекс» в строго отобранные общественные писсуары. Чудовищно уродливые бетонные конструкции – явные служители пениса. Правда, она говорила, что я не совсем гожусь для борьбы за новый матриархат, потому что испытываю УГРЫЗЕНИЯ. Это мой смертный грех. Тем не менее нас разлучил не терроризм, а эти дурацкие голуби...

Моя работа заключалась в том, чтобы войти в писсуар с Ингиным чулком на голове. Само по себе это не должно было привлекать особого внимания – в мужских туалетах царит дух свободомыслия. Однако затем в мои задачи входило предупредить находившихся там парней, что если они сейчас же не отвалят, их яйца полетят по закоулочкам. Чаще всего в писсуарах оказывалось человек пять – стояли, держа в руках свои причиндалы, и пялились на побуревшую раковину, как на святой Грааль. Интересно, почему мужчины так любят все делать хором? Мне нравилось цитировать Ингу: «Этот туалет – символ патриархата, он должен быть разрушен», а затем добавлять от себя: «Моя подружка прямо сейчас поджигает бикфордов шнур. Не могли бы вы закончить свои дела снаружи?»

Что бы сделали вы в таких обстоятельствах? Разве нормальному мужику мало угрозы кастрации со смертельным исходом, чтобы отряхнуть член и делать ноги? А эти никуда не бежали. Все время повторялось одно и то же. Они лишь высокомерно смахивали последние капли и продолжали обсуждать ставки на бегах. Я человек мягкий, грубостей не люблю, но на подобные случаи у меня имелось оружие.

Пистолет извлекался из-за пояса шорт «РЕЦИКЛ» (да, они служили мне долго). Дуло, наведенное на ближайшую висюльку, заставляло ее обладателя поторопиться, и он говорил что-нибудь типа: «Ты в своем уме или как?» – однако быстро застегивал молнию и спешил удалиться под мои выкрики:

– Руки вверх, мальчики! Не трогай его – на ветерке быстро обсохнет.

В этот момент раздавались первые такты «Странников в ночи». Это был наш с Ингой условный сигнал, означавший, что до взрыва осталось пять минут, готовы клиенты или нет. Следовало как можно скорей выгнать упирившихся Джонов-Томасов и клеить ноги. А догнав передвижную закусочную на колесах, которую Инга использовала как наше укрытие, протиснуться внутрь, устроиться рядом с ней – и тут уж можно было обернуться назад и выглянуть из-за булочек. Отличный взрыв. Просто классный, жалко даже тратить его на этих недомерков. Мы с нею чувствовали себя будто на краю света – одинокие террористы, ведущие справедливую войну за более совершенное общество. Мне казалось, что я люблю ее. А потом случилась эта нелепая история с голубями.

Инга запрещала мне звонить ей по телефону. Считала, что телефоном пользуются только секретарши, то есть женщины, лишённые социального статуса. Прекрасно, тогда будем переписываться. Однако оказалось, что почтовой службой заправляют деспоты, использующие и эксплуатирующие труд бедняков, не объединенных в профсоюзы. Что было делать? Мне вовсе не улыбалось жить в Голландии. Она не хотела жить в Лондоне. Как нам поддерживать связь?

Голуби, сказала она.

Вот в результате чего мне пришлось снять мансарду в Женском институте Пимлико. Меня не интересовала ни их кампания против ядовитых аэрозолей, ни то, что они пекут мерзкие кексики. Меня заботило только то, что чердак их института выходит точно в сторону Амстердама.

Здесь можете усомниться в правдивости моего рассказа. Можете спросить, на кой черт мне сдалась Инга, когда существуют бары для одиноких? Ответ один: ее грудь.

Не выпяченные вперед груди, что женщины носят, как эполеты, – свидетельство их высокого ранга. Но и не объекты подростковых фантазий бабников. Округлости правильной формы повидали лучшие дни и уже начали уступать силе земного притяжения. У Инги была смуглая кожа, вокруг сосков – еще потемней, сами же соски выглядели почти черными. «Мои сестрички-цыганки», вертелось у меня на языке при виде их, но, разумеется, нечего было и думать произнести это вслух. Мое преклонение перед Ингиной грудью было простым и недвусмысленным, тут не было ни замены матери, ни последствий родовой травмы: мне она действительно нравилась. Фрейд не во всем прав. Иногда грудь – это просто грудь.

Полдюжины раз моя рука поднимала телефонную трубку и шесть раз опускала ее обратно. Скорее всего, она не ответит. Она бы давно телефон вообще отключила, если б не звонки матери из Роттердама. Инга никогда не объясняла мне, как она отличает звонки матери от звонков секретарш. И откуда она сможет узнать, что ей звонит секретарша, а не я, к примеру? Мне так хотелось с ней поговорить.

Мои голуби – Адам, Ева и Поцелуйчик, – не смогли долететь до Голландии. Ева добралась до Фолкстоуна, Адам выбыл из соревнования и поселился на Трафальгарской площади – еще одна победа Нельсона. Поцелуйчик же боялся высоты, а это для птицы большой недостаток, но Женский институт забрал его к себе как талисман и окрестил его Боудикой. Если он не умер, то так там и живет. Не знаю, что случилось с Ингиными птицами. Ко мне они так и не прилетели.

Потом мы познакомились с Жаклин.

Мне надо было настелить ковровое покрытие в новой квартире, и пара друзей пришли мне помочь. И привели с собой Жаклин. Одному она была любовницей, а наперсницей служила обоим. Эдакая домашняя киска. Она продавала секс и свои симпатии по 50 фунтов за выходные плюс полноценный воскресный обед. Несколько грубовато-прямолинейно, но цивилизованно.

У меня в тот момент были новая квартира и надежда начать новую жизнь после одного гнусного романа, от которого у меня развился триппер. Нет-нет, с моими органами все в норме – то был душевный триппер. И сердце в то время мне следовало держать при себе, чтобы никого не заразить. Новая квартира была просторная и запущенная, и мне казалось, что, приведя в порядок ее, я приведу в порядок и себя. Та, что заразила меня, осталась с мужем в прекрасно обставленном доме, однако отстегнула мне 10 000 фунтов под видом финансовой помощи. Она это представила, как «даю займы», но для меня прозвучало, как «кровавые деньги». Она давала мне отступного. Как бы мне хотелось никогда в жизни с ней больше не встречаться. К несчастью, она также была моим зубным врачом.

А Жаклин работала в зоопарке. Занималась пушистыми зверюшками, которым не нравятся посетители. У тех, кто платит по пять фунтов за вход, не хватает терпения дожидаться, пока пушистые зверюшки не перестанут их бояться и вылезут из укрытия. Жаклин должна была делать так, чтобы все сновалучилось радостью. Она была добра с родителями, добра с детьми, добра с животными, добра со всеми, кому не по себе. Она была добра со мной.

Когда она появилась, одетая модно, но не вызывающе, подкрашенная, но почти незаметно, и заговорила ровным монотонным голосом, мне подумалось, что с такой женщиной, да еще в таких нелепых очках, просто не о чем говорить. После Инги, после краткого, но бурного рецидива страсти к дантистке Вирсавии мне и в голову не приходило, что кто-то может мне понравиться. И уж менее всего – женщина, чьи волосы подверглись издевательствам парикмахера. Ей можно только поручить заваривать чай, а я тем временем буду острить со старыми

друзьями по поводу разбитых сердец, а потом вы втроем с сознанием исполненного долга мирно отправитесь по домам, а я открою банку чечевицы и послушаю радиопередачу «Наука сегодня».

Увы мне. Нет ничего сладостнее, чем упиваться этим, ведь так? Жалость к себе – это секс для депрессивных. Мне припомнилась любимая присказка бабушки, которую та произносила тоном проповедника, наставляющего заблудшего горемыку: «Из кого дерьмо не лезет, пусть с горшка немедля слезет». Ее сама эта болезненная дилемма не мучила, ужасный выбор, к которому она вынуждала, понятен не был. Все верно. В результате я – по уши в дерьме.

Жаклин сделала мне сэндвич и спросила, не нужно ли мне чего-нибудь помыть. Потом пришла назавтра – и на послезавтра. Рассказала мне обо всех проблемах содержания лемуров в зоопарке. Принесла собственную швабру. Она работала с девяти до пяти с понедельника по пятницу, водила двухместную малолитражку, а книги брала в читательских клубах. У нее не было фетишей, слабостей, заскоков и проколов. Кроме всего прочего, не состояла в браке – ни в настоящее время, ни в какое иное. Ни мужа, ни детей.

Она наводила на мысли. Это не была любовь – у меня не было даже желания полюбить ее. Никакой страсти, сама мысль о страсти к Жаклин казалась мне нелепой. Таким образом, все говорило в ее пользу. К тому времени до меня стало доходить, что «влюбленность» было бы правильнее называть «ходьбой по канату». Длительное балансирование с завязанными глазами на дрожащем лучике надежды, когда одно неверное движение грозит падением в неизведанную пучину, породило у меня жажду стереотипов – насиженного кресла. Мечту о проторенном пути и отличном зрении. И что в этом плохого? Это называется повзрослеть. Многие, знаю, стремятся прикрыть свое стремление к комфорту таким ореолом романтики, но ореол быстро выцветает. Слишком долгий путь им предстоит – годы откладываются на талии, появляется полдомика в пригороде. Что в этом плохого? Смотреть до полуночи телевизор или храпеть бок о бок – да пусть себе храпят хоть до второго пришествия. Или пока смерть не разлучит. Не правда ли, прелестная годовщина? Но что во всем этом плохого?

О Жаклин пришлось задуматься. Она не имела разорительных наклонностей в выборе одежды, она ничего не понимала в винах, не рвалась сходить в оперу, и она в меня влюбилась. У меня не было денег, а боевой дух мой был подорван. Чем не брак, заключенный на небесах?

Мы пришли с ней к соглашению о том, что подходим друг другу, сидя в ее малолитражке и поглощая то, что взяли навынос в китайском ресторанчике. Ночь была облачная, и мы не могли любоваться на звезды, а кроме того, ей нужно было вставать в половине восьмого на работу. Не помню, мы, кажется, даже и не спали с ней в ту ночь. Легли мы вместе уже на следующий вечер, ноябрь стоял холодный, пришлось даже развести огонь в камине. Небольшой изящный букет – мне цветы все равно нравятся, но доставать скатерти и новые бокалы – это уже чересчур. Еще чего не хватало: мы не такие. У нас все просто и заурядно. Именно это мне и нравится. Ценность здесь – в аккуратности. Жизнь моя больше никуда не расползается. Растениям положено расти в горшках.

Прошло несколько месяцев, и мой разум полностью исцелился. Страдания, боль потерянной любви и горечь несбывшихся надежд – все исчезло. Кораблекрушение удалось пережить, и мне теперь нравился мой спасительный островок, снабженный кранами с горячей и холодной водой и регулярно навещаемый молочницей. Я превращаюсь в апостола заурядности, проповедую друзьям преимущества обыденности и благословляю уютные пути своего существования. Впервые в жизни я понимаю то, о чем мне всегда твердили окружающие: страсть хороша по праздникам, но не в будни.

Мои друзья не вполне разделяли мое радужное настроение. На Жаклин посматривали с настороженным одобрением, что же до меня, то на меня смотрели, как на пациента психушки, в чьем состоянии наступила недолговременная ремиссия. Недолговременная? Да я уже почти

год так живу. Вкалываю в поте лица, тружусь не покладая рук, как... как... как вот это слово на букву «с»...

– Тебе просто скучно, – сказал мой друг.

Я протестую с горячностью завязавшего алкоголика, застигнутого за рассматриванием бутылки. Жизнь моя вошла в колею, у меня все хорошо...

– А секс у вас есть?

– Иногда. Понимаешь, это не имеет особого значения. Да, иногда мы спим. Когда нам обоим этого хочется. Знаешь, мы много работаем. Времени мало.

– Когда ты видишь ее, ты ее хочешь? Когда ты смотришь на нее, ты ее видишь?

Я взрываюсь. Ну почему, почему мой старый друг, который прежде ни единым словом не пытался облегчить мои страдания, набрасывается с вопросами в тот самый момент, когда я наконец так счастливо справляюсь со всеми своими проблемами? Напрягая мозги, я выбираю линию защиты. Может, стоит обидеться? Удивиться? Или обратить все в шутку? Мне хочется сказать что-нибудь обидное, чтобы выплеснуть гнев и оправдать себя. Но когда имеешь дело со старыми друзьями, это сложно. Сложно, потому что общаешься запросто. Мы знаем друг друга как облупленные, и притворяемся глупо. Остается только пожать плечами и налить себе выпить.

– Нет в мире совершенства.

В бутоне завелись черви. Ладно, что с того? Во многих бутонах они водятся. Вы возитесь с растением, опыляете, окапываете, надеетесь, что червоточина будет не очень заметна, вы молитесь на солнечные светлые деньки. Дайте цветку распуститься, и никто не заметит объеденных лепестков. То же самое происходит со мной. Я отчаянно цепляюсь за узы, связывающие меня с Жаклин, жажду их сохранить. Пусть мои побуждения нельзя назвать самыми благородными, но, по сути дела, это – мой последний окоп. Больше никаких гонок. Жаклин любит меня просто и бесхитростно. Никогда не пристает ко мне, если я говорю ей: «Не приставай», не плачет, если я ору на нее. Говоря по правде, она в таких случаях тоже орет на меня. Она заботится обо мне так же, как о крупных кошках в своем зоопарке. И она мною гордится.

Мой друг сказал:

– Тебе бы лучше подцепить того, кто больше тебе подходит.

А затем мы встретились с Луизой.

Владей я кистью, мне, быть может, удалось бы изобразить ореол ее волос в виде роя бабочек. Миллион «красных адмиралов», сверкающий нимб, полный жизни и движения. Есть множество легенд о женщинах, превращающихся в деревья, но я не знаю таких, где дерево превращается в женщину. Наверное, странно, что возлюбленная напоминает дерево? Но это так, а точнее – ее волосы, взметенные порывом ветра. Мне даже казалось, она вот-вот зашелестит. Нет, она все-таки не шелестела, хотя ее кожа имела тот серебристый оттенок, какой бывает у молодых березок, облитых лунным светом. В ее присутствии мне чудилось, что меня окружают юные нагие саженцы.

В начале никакой разницы не было. Мы прекрасно общались втроем. Луиза хорошо относилась к Жаклин и не пыталась встать между нами даже в качестве подруги. Да и зачем бы ей это понадобилось? Вот уже десять лет она счастливо живет с мужем. Мы познакомились с ним – он был врачом с правильными врачебными повадками. Правда, он был неприметным, но ведь это не порок.

– До чего она красивая, правда? – сказала Жаклин.

– Кто?

– Луиза.

– А, да-да, конечно, красивая, если такие в твоем вкусе.

– А тебе нравится такой тип?

– Если ты о Луизе, то да. Ты же знаешь. Да тебе и самой она нравится.

– Да.

И Жаклин снова отправилась по страницам журнала «Дикая природа мира», а я – на прогулку.

Прогулка как прогулка, ничего особенного, но внезапно обнаружилось, что я стою у парадных дверей дома, где живет Луиза. Господи, что со мной? Что я здесь делаю? Ведь мне нужно совсем в другую сторону.

Звоню. Дверь открывает Луиза. Ее муж Элгин в кабинете – играет в компьютерную игру под названием «Госпиталь». Нужно прооперировать пациента, а если ошибетесь, пациент устроит вам взбучку.

– Привет, Луиза! У меня тут были дела неподалеку, и вот думаю, не заскочить ли к вам... Заскочить. Что за дурацкое слово. Я что – блоха прыгучая?

Мы вместе прошли в холл. Из дверей кабинета высунулась голова Элгина.

– Привет всем! А, это ты! Привет-привет! Сейчас приду, у меня тут небольшие проблемы с печенью, никак не пойму, в чем дело.

В кухне Луиза угощает меня бокалом вина и целомудренным поцелуем в щечку. То есть он был бы целомудренным, если бы она просто чмокнула меня, и все. Однако, едва запечатлев на моей щеке обязательный легкий поцелуй, она почти незаметно проводит по ней губами. Это длится мгновение, от силы два – можно считать, что ничего и не было. Если только это не ваша щека. Если только вы не думаете об этом и не гадаете, думает ли об этом другой. Она не подает виду. И я тоже притворяюсь, что ничего не произошло. Мы болтаем и слушаем музыку, и я не замечаю, что уже стемнело, бутылка пуста и в желудке у меня тоже пусто. Телефон звонит неожиданно громко, и мы подсакиваем вдвоем. Луиза берет трубку, вежливо отвечает, и минутку послушав, передает трубку мне. Это Жаклин. Голос у нее очень грустный, нет, без упреков, но очень грустный.

– Я не могла понять, где ты. Уже около полуночи. Я искала тебя.

– Извини. Я немедленно возьму такси. Скоро буду.

Я поднимаюсь с улыбкой.

– Ты не вызовешь мне такси?

– Я отвезу тебя, – говорит она. – Было бы неплохо повидать Жаклин.

Всю дорогу домой мы молчим. Улицы тихи и пустынные. Останавливаемся у моего дома, я говорю спасибо, и мы договариваемся встретиться за чаем на следующей неделе. А потом она говорит:

– Я взяла билеты в оперу на завтра, а Элгин не может. Ты не сходишь со мной?

– Завтра мы с Жаклин собирались провести вечер дома.

Она молча кивает, и я вылезая из машины. Никакого поцелуя.

Что делать? Следует ли мне остаться с Жаклин и просидеть дома ненавистный вечер, возненавидев под конец ее самое? Или лучше извиниться и пойти? Нужно ли сказать правду и пойти? Я не имею права делать все, что мне вздумается, ведь отношения – это всегда какой-то компромисс. Давать и брать. Может быть, я не хочу сидеть завтра вечером дома, а она, напротив, хочет. Да мне следовало бы этому радоваться. Мы станем сильнее от этого – сильнее и чутче. Такие мысли проносились у меня в голове, а Жаклин спала рядом, и если у нее и были какие-то страхи, то они не нарушали ее спокойного сна. Она безмятежно раскинулась на кровати, где мы провели вместе столько ночей. Неужто я оскверню наше ложе предательством?

Попутру настроение у меня препаршивейшее, нет никаких сил. Жаклин, жизнерадостная как всегда, заводит свою малолитражку и уезжает к матери. В полдень звонит отменить наш домашний вечер вдвоем. Ее мать нездорова, и она собирается остаться у нее.

– Конечно, Жаклин! – отвечаю я. – Оставайся. Увидимся завтра.

Ощущение свободы и собственной добродетели переполняет меня. Теперь можно спокойно посидеть в собственной квартире и трезво все обдумать. Иногда ваш лучший друг – вы сами.

Во время антракта «Женитьбы Фигаро» я замечаю, как часто на Луизу посматривают другие. Со всех сторон нас окружают золотые цепочки и сверкающие блестками платья. Их обладательницы носят драгоценности, как медали. Им, как Фигаро, все нипочем – новый муж здесь, бывший муж там, просто палимпсест былых романов. Колье, броши, кольца, диадемы, усыпанные бриллиантами часики, на которых время можно разглядеть лишь через увеличительное стекло. Браслеты, цепочки, вуалетки с мелким жемчугом, серьги в количестве, намного превосходящем количество ушей. Драгоценности двигаются в сопровождении серых пиджаков и бьющих на эффект пятнистых галстуков. Луиза проходит – и галстуки дергаются, а пиджаки нервно встряхиваются. Дамы предостерегающе посверкивают драгоценностями при виде ее обнаженной шеи. На Луизе – скромное платье зеленого шелка, а из украшений только пара нефритовых сережек и обручальное кольцо на пальце. Я напоминаю себе: «Никогда не забывай об обручальном кольце. Как только заподозришь, что влюбляешься, вспомни, что жар этого расплавленного кольца сожжет тебя дотла».

– Что ты там рассматриваешь? – спросила Луиза.

– Что за идиотизм! – сказал мой друг. – Опять замужняя!

Мы с Луизой обсуждали Элгина.

– Он из ортодоксальной еврейской семьи, – сказала она, – поэтому в нем сочетаются чувство собственного превосходства и комплекс неполноценности.

Родители Элгина до сих пор жили в домике 30-х годов на две семьи в Стемфорд-Хилле. Во времена Второй мировой они незаконно вселились в квартирку, где обитали кокни. Хозяйка, вернувшись в один прекрасный вечер домой, обнаружили, что дом заперт, замки другие, а на парадной двери красуется табличка «ШАБАТ. НЕ БЕСПОКОИТЬ!» Это было в ночь на субботу 1946 года. В ночь на воскресенье того же года Арнольд и Бетти Смолл встретились лицом к лицу с Исавом и Сарой Розенталь. Деньги, или, если точнее, некоторое количество золота, перешли из рук в руки, и Смоллы отчалили вершить крутые дела, а Розентали открыли аптеку, категорически отказываясь примкнуть к традиционалистам или реформаторам.

– Мы – избранный богом народ! – говорили они, подразумевая самих себя.

Вот такой сплав смирения и гордыни был в крови у Элгина. Родители намеревались назвать его Самуилом, однако во время беременности Сара ходила в Британский музей. Там ей запали в душу шедевры античной Греции, а вот египетские мумии оставили равнодушной. Все это могло бы и не иметь никакого отношения к судьбе ее сына, если бы не серьезные осложнения при четырнадцатичасовых родах. Мечась по подушке в бреду, она бессвязно бормотала и бесконечно повторяла одно-единственное слово: «Элгин!»⁴ Осунувшийся от волнения и страха Исав, стоявший рядом, теребя талес под черным пальто, был суеверен. Раз таково последнее слово жены, значит оно должно что-то означать. Так слово обрело плоть: Самуил превратился в Элгина, однако Сара не умерла. Она за долгую жизнь наготовила, наверное, не менее тысячи галлонов куриного бульона. Каждый раз, разливая суп по тарелкам, она не забывала добавить: «Элгин, Иегова спас меня, чтобы я служила тебе».

⁴ Томас Брюс, 7-й граф Элгин (1766–1841), британский посол в Турции (1799–1803), вывезший в Англию мраморные метопы (части фриза) Парфенона. С 1816 г. они находятся в Британском музее.

Итак, Элгин рос, думая, что мир предназначен служить ему, и ненавидя темный прилавок отцовской лавчонки. Больше всего на свете он мечтал быть таким, как все дети, и страдал от того, что отличается от других.

– Ты – ничто! Ты – прах! – поучал его Исав. – Возвысься над собой, и станешь человеком.

Элгин выиграл стипендию одной из независимых школ. Он был маленького роста, узкогруд, близорук и дьявольски умен. На беду, религиозные запреты не позволяли ему участвовать в субботних школьных состязаниях, и хотя травить его не травили, но бойкотировали. А сам он знал, что он гораздо лучше всех этих крутоплечих школьных красавчиков, чьи смазливые рожи и непринужденные манеры обеспечивали любовь и уважение одноклассников. Кроме того, все они были педиками: Элгин часто наблюдал, как они заваливают друг друга – раззявив рты, с членами на изготовку. К нему же прикасаться никто и не пытался.

В Луизу он влюбился, когда она победила его в финальном туре дебатов, проводимых дискуссионным клубом. Ее школа располагалась неподалеку, и по дороге домой он всегда проходил мимо. Элгин приноровился оказываться там как раз в те часы, когда кончались занятия у Луизы. Он был с нею обходителен, старался не рисоваться и не впадать в сарказм. Она жила в Англии всего год, и ей казалось, что это очень холодная страна. Они оба были беженцами и находили утешение в обществе друг друга. Потом Элгин поступил в Кембридж, выбрав колледж, отличавшийся своими спортивными достижениями. Луиза, поступившая туда годом позже, уже тогда начала подозревать, что он мазохист. Это подтвердилось, когда он, лежа на своей узкой койке, развел в стороны ноги и попросил ее зажать его пенис в тиски.

– Я должен это вынести, – сказал он. – Я собираюсь стать врачом.

Тем временем, запершись в своем доме в Стемфорд-Хилле, Исав и Сара провели всю субботу в молитве, задавая вопросом, какая судьба ожидает их сына, попавшего в лапы огненно-рыжей искустельницы.

– Она разрушит его жизнь, – изрек Исав. – Он обречен. Мы все обречены.

– О, мой мальчик, мой родной, – причитала Сара. – В нем же только пять футов семь дюймов.

Они не поехали на гражданскую свадьбу в Кембридж. Да и как могли они поехать, когда Элгин назначил ее на субботу? Луиза была в просторном шелковом платье цвета слоновой кости, а в огненно-рыжих волосах сверкала серебряная лента. Ее лучшая подруга Дженет держала кольца и фотоаппарат. Присутствовал также лучший друг Элгина – его имя потом он припомнить никак не мог. На Элгине был взятый напрокат темный костюм, который ему страшно жал.

– Понимаешь, – объясняла Луиза, – я знала, что с ним мне ничто не грозит. Я могла его контролировать, помыкать им.

– А как насчет него самого? Что думал он?

– Он знал, что я красива и что это ценится. Ему хотелось иметь при себе нечто эффектное, но не вульгарное. Он мог теперь хвастать на людях: «Смотрите, что у меня есть!»

Я думаю об Элгине. Он очень умен, очень богат, но невыносимо скучен. Луиза же могла очаровать кого угодно. Она привлекала к нему внимание, обеспечивала его контактами, а также готовила, украшала, была умницей, а к тому же еще и красавицей. Сам Элгин был начисто лишен светского лоска и крайне неловок в общении. Кроме того, коллеги относились к нему с легким налетом антисемитизма. Это были в основном его ровесники, с которыми он учился и которых в глубине души презирал. Конечно, среди его знакомых попадались и евреи, однако то были люди из очень культурных семей, вполне преуспевающие в жизни, с широкими взглядами. Никто из них не был ортодоксом из Стемфорд-Хилла, где между вами и газовой камерой – лишь чужая квартира. Элгин никогда не говорил о своем прошлом, и временами, особенно когда Луиза была под боком, казалось, оно не имеет для него никакого значения. Он тоже выглядел преуспевающим и культурным: ходил в оперу и покупал антиквариат, рассказывал

еврейские анекдоты и даже избавился от акцента. Когда Луиза говорила, что он не должен забывать своих родителей, он посылал им к Рождеству открытки.

– Это все она! – угрюмо говорил Исав, стоя за своим темным прилавком. – Все женщины прокляты со времен Евы!

А Сара, полируя, сортируя, штопая и подавая, чувствовала проклятье своего народа и все больше погружалась в него.

– Привет, Элгин! – здороваюсь я, когда он возникает на пороге кухни, одетый по-домашнему – в темно-синих вельветовых брюках (среднего размера) и свободной рубашке навыпуск (размера поменьше). Он прислоняется к плите и обрушивает на меня целый град вопросов. Это его любимый способ общения – подразумевалось, что так он не выставляет себя на первый план.

Луиза возилась с овощами.

– Элгин уезжает на той неделе, – отсекла она его словесный поток так же точно, как он отсек бы трахею.

– Верно-верно! – довольный, подтвердил он. – Читаю доклад в Вашингтон. Тебе не приходилось бывать в Вашингтоне?

Во вторник, двенадцатого мая, в 10.40 утра самолет «Бритиш Эйруэйз» оторвался от взлетной полосы и взял курс на Вашингтон. В салоне первого класса Элгин с бокалом шампанского в руке и наушниками на голове слушает Вагнера. Бай-бай, Элгин!

Вторник, двенадцатое мая, час дня. Тук-тук.

– Кто там?

– Привет, Луиза!

Она улыбается.

– Как раз к ланчу!

А пицца сексуальна? В «Плейбое» пишут то о спарже, то о бананах, кабачках и луке-порее, или как здорово намазаться медом или шоколадным мороженым. Мне как-то раз взбрело в голову купить специальное эротическое масло для тела с натуральным запахом пинья-колады и намазаться им, но у моей подружки сыпь на языке вылезла.

Еще советуют ужины при свечах: это когда скалящиеся официанты в жилетках волокут вам немислимых размеров блюда с мясом и острыми приправами. Рекомендуют также пикники на пляже – это помогает, если вы и так влюблены, поскольку иначе вы терпеть не можете сыр-бри с песочком. В общем, до тех пор пока мне не довелось есть за одним столом с Луизой, мне казалось, что все, или почти все, зависит от обстановки.

Когда Луиза поднесла ложку ко рту, меня охватило страстное желание стать невинным кусочком нержавеющей стали. Мне хотелось занять место любого овоща, вареной морковки, вермишели, чего угодно, только бы ты взяла меня в рот. Меня снедала зависть к французской булке. Луиза отламывала каждый кусочек, намазывала его маслом, обмакивала в подливку, давала поплавать немного в тарелке, пока не пропитается и не потяжелееет, пока темно-красный вес не начнет утягивать его на дно, а затем великое наслаждение ее зубов вновь воскрешало его.

Картошка, помидоры, сельдерей – ко всему этому она прикасалась... Глотая суп, я жажду попробовать ее кожу. Она в масле или луке, в дольке чеснока... Я знаю, что она плюет на сковороду, чтобы определить, достаточно ли разогрето масло. Нормальный способ, почти все повара так делают – или делали раньше. И потому, когда она перечисляет мне, из чего состоит суп, я понимаю, что она упустила из виду самый главный ингредиент. Я узнаю твой вкус хотя бы по тому, что ты мне приготовишь.

Она разломилась грушу – груши росли у нее в саду. На месте ее дома когда-то находился большой фруктовый сад, и ее дереву было двести двадцать лет. Старше Французской революции. Вордсворт или Наполеон, к примеру, могли лакомиться их плодами. Интересно, кто ходил тогда в этот сад, кто собирал урожай с этих деревьев? Их сердца трепетали, подобно моему? Луиза предложила мне половину груши и кусок пармезана. Эти груши наверняка многое видели на своем веку – вернее, они-то стояли на месте, а века смотрели на них. Каждый кусок плодов их – как взрыв войны и страсти. А в косточках и лягушачье-зеленой кожице – сама история.

Клейкий сок течет Луизе на подбородок, и, прежде чем я успеваю предложить свою помощь, она вытирает его салфеткой. Я жадно смотрю на салфетку. Могу ли я ее стянуть? Моя рука тем временем уже крадется по скатерти, как нечто из Эдгара По. Луиза прикасается ко мне, и я вздрагиваю.

– Я тебя поцарапала? – озабоченно и смущенно спрашивает она.

– О нет, ты всего лишь ударила меня током.

Она встала и начала готовить кофе. Англичанкам очень здорово удаются такие жесты.

– У нас с тобой будет роман? – спрашивает она.

Нет, она не англичанка, она из Австралии.

– Нет-нет, – отвечаю я. – Ты ведь замужем, а у меня Жаклин. Мы будем с тобой друзьями.

– Мы и так друзья.

Да, мы уже друзья, и самое большое удовольствие для меня – проводить целые дни, болтая с тобой о вещах серьезных и о всякой чепухе. Мне бы хотелось мыть посуду рядом с тобой, или убирать вместе с тобой, или читать половину газеты, пока ты читаешь другую. Мы друзья, и мне будет не хватать тебя, мне уже не хватает тебя, и я думаю о тебе очень часто. Мне не хочется терять это счастливое пространство, где живет человек умный и легкий, которому не нужно перед свиданием сверяться с ежедневником. Всю дорогу домой я твержу себе это, и такие мысли – прочная мостовая у меня под ногами, ровно постриженные изгороди, магазин на углу и малолитражка Жаклин. Все как положено: любовница, друг, жизнь, круг общения. Дома чашки стоят на тех же самых местах, где мы с Жаклин оставили их утром, и я не глядя могу сказать, где висит ее пижама. Мне раньше казалось, что Христос не прав и невероятно суров, утверждая, что прелюбодеяние в сердце – грех не меньший, чем прелюбодеяние настоящее. Но теперь, посреди столь привычного и нерушимого пространства, я осознаю, что мой мир и мир Жаклин уже изменились. Только она еще этого не знает. Карта нашего мира перекроена. Территория, которую она привыкла считать своей, уже аннексирована. Вы ведь никогда не отдаете навсегда свое сердце, вы лишь даете его взаймы на время. Иначе как можно получить его обратно без разрешения?

Мне везет, и я провожу спокойно весь вечер. Никто меня не тревожит, я могу себе пить горячий чай, сидя в знакомом кресле, и надеяться, что мудрость предметов вразумит меня. В окружении столь родных и привычных книг, стульев, стола я наверняка осознаю необходимость не двигаться с места. Слишком много эмоциональных скитаний. Разве не хотелось мне возвести вокруг себя ограду, залезть на раны и набраться сил? Луиза же может ее разрушить.

Ох, нет, Луиза, вру я. Я боюсь не тебя, а себя. И вся моя нынешняя, заслуженная жизнь ничего не значит. Часы тикают. Сколько времени еще осталось до того, как начнутся крики и обвинения? Слезы и боль? Такая весьма характерная боль от камня в желудке, когда вы теряете нечто, что никогда всерьез не ценили. Почему любовь должна измеряться утратой?

Такие мысли и предчувствия – отнюдь не редкость, но признаться в них – все равно что прорубить единственный выход. Великое оправдание страсти: ах, у меня не было выбора, ах, меня захватило чувство. Некие силы якобы хватают вас, и несут, и овладевают вами, но сейчас это все в прошлом, и вы не понимаете, как это могло случиться и т. д. и т. п. И как бы вам хотелось начать все сначала и т. д. и т. п. И прости меня, дорогая... В конце двадцатого столетия

вы все еще призываете демонов прошлого, чтобы объяснить самые тривиальные поступки. Измена – очень обычный поступок. Вовсе не редкая драгоценность, но почему-то на личном уровне каждый объясняет ее так, будто речь идет о неопознанных летающих объектах. Не хочу больше так лгать себе. Да, всю жизнь мне приходилось обманывать себя, но больше я этого не хочу. Я точно знаю, что происходит, и знаю также, что выпрыгиваю из этого самолета по собственной воле. Нет, у меня нет парашюта, и что еще хуже – его нет и у Жаклин. А когда прыгаешь, лучше брать его с собой.

Я отрезаю кусочек кекса с изюмом. Если сомневаешься – ешь. Понимаю я тех, кому холодильник с его содержимым заменяет любого социального работника. Лично я исповедальне всегда предпочту стаканчик неразбавленного виски, но не раньше пяти. Может быть, поэтому все мои душевные кризисы приходятся на вечернее время? Ну, хорошо, пока еще только половина пятого, и я довольствуюсь кексом и чашкой чая, но вместо того, чтобы немного прийти в себя, я мысленно все время прихожу к Луизе. Все из-за еды. Вряд ли есть что-либо менее романтическое, чем поднимающееся дрожжевое тесто, но его запах возбуждает меня сильнее, чем любые плейбойские бананы. Итак, это вопрос времени. Будет ли благороднее с моей стороны подождать неделю, прежде чем я уйду? Или лучше забрать зубную щетку прямо сейчас? Я тону в неизбежности.

Я звоню другу посоветоваться, и он советует мне сыграть в морячка: у них жены в каждом порту. Что будет, если я признаюсь Жаклин – разрушу все, но ради чего? Признавшись, я могу глубоко ранить ее чувства, а разве я имею на это право? И кто его знает, может, у меня просто такая собачья течка, а через две недели я приду в норму, выброшу все это из головы и вернусь в родные пенаты.

Здравый смысл. Благоразумие. Хорошая собачка.

А если погадать на чайниках? Ничего, кроме заглавной буквы «Л»!

Жаклин возвращается, я целую ее и говорю:

– Мне хотелось бы, чтоб от тебя не пахло зоопарком.

Она удивлена.

– Но что я могу сделать? В зоопарке всегда запах!

Однако немедленно идет в душ. Я наливаю ей выпить, думая про себя, до чего мне не нравится ее одежда и ее манера вечно включать радио, как только приходит.

С кислой миной я занимаюсь нашим ужином. Что будем делать сегодня вечером? Я чувствую себя разбойником, что прячет пистолет за щекой. Стоит начать говорить, как я непременно все выложу. Лучше просто молчать. Есть, улыбаться, во всем уступать Жаклин. Верно ведь?

Звонит телефон. Я бросаюсь на трубку, как зверь на добычу, и запираюсь с аппаратом в спальне.

Это Луиза.

– Приходи завтра, – говорит она. – Я хочу тебе кое-что сказать.

– Луиза, если ты насчет того, о чем мы говорили, то я не могу... понимаешь, я думаю, что нет. Потому что, ну, ты понимаешь...

В трубке шелкнуло, и телефон умолк. Я смотрю на него таким взглядом, какой был у Лорен Баколл в фильмах, где она играла вместе с Хамфри Богартом. Не хватает только авто с откидной подножкой и пары противотуманных фар – тогда можно было бы через десять минут оказаться у Луизы. Проблема в том, что к моим услугам лишь малолитражка, принадлежащая моей подруге.

Мы жуем спагетти. В голове – одна мысль: пока ее имя не произнесено, со мной все будет в порядке. Затевая эту игру, я сверяюсь с циферблатом часов: сколько мне уже удалось продержаться. Циферблат корчит скептическую мину. Что со мной творится? Я как двоечник

перед экзаменационным листком с вопросами, а ответы заведомо неизвестны. Хоть бы часы быстрее шли! Хоть бы поскорее отсюда уйти! В девять я сообщаю Жаклин, что умираю от усталости. Она гладит меня по руке, но я ничего не чувствую. Позже, когда мы уже лежим бок о бок в своих пижамах, я плотно сжимаю губы, а мои щеки, наверное, раздулись, как у хомячка, потому что во рту у меня – лишь имя «Луиза».

Не надо объяснять вам, куда я направляюсь на следующий день.

В ту ночь мне приснился мрачный сон про одну мою бывшую подружку, которая всерьез увлеклась папье-маше. Началось как хобби, и кто стал бы возражать против небольших ведерок с водой и мукой да мотков тонкой проволоки? У меня широкие взгляды, и я за свободу самовыражения. И вот подхожу я в один прекрасный день к ее дому и вижу, как из щели почтового ящика, как раз на уровне промежности высовывается здоровая желто-зеленая змеиная голова. Нет, не настоящая, конечно, но очень натуральная, с красным язычком и зубами из серебряной фольги. Я медлю в нерешительности, прежде чем нажать на звонок: дотянуться до звонка можно, только прижавшись к голове змеюки очень личной частью моего тела. В голове у меня происходит следующий диалог:

Мне: Не валяй дурака! Это просто шутка.

Я: Что значит шутка? Жуть какая!

Мне: Но ведь зубы не настоящие.

Я: Чтобы сделать больно, не обязательно настоящие зубы.

Мне: Что она подумает о тебе, если ты так и будешь топтаться на пороге весь вечер?

Я: Интересно, что она вообще обо мне думает? Что она за девчонка, если ей нравится воображать змею у моих гениталий?

Мне: Девчонка, любящая пошутить.

Я: Ха-ха.

Тут дверь распахивается, и на пороге возникает Эми. На ней кафтан, а на шее болтаются длинные бусы.

– Не обижайся, – заявляет она. – Это для почтальона. Он меня уже достал.

– Сомневаюсь, что его отпугнет змея, – отвечаю я. – Ведь это просто игрушка. Меня, например, она совсем не испугала.

– Тебе нечего пугаться, – повторяет она. – У нее в челюстях всего лишь мышеловка.

Эми куда-то испаряется, а я топчусь на ступеньках, сжимая в руке бутылку «Божоле Нуво». Эми возвращается с пучком зеленого лука и сует его в змеиную пасть. Раздается чудовищный хруст, и нижняя часть пучка падает на половик.

– Захвати его с собой, – говорит она. – Потом съедим.

Я просыпаюсь в холодном поту. Жаклин мирно посапывает у меня под боком, тоненький лучик света просачивается сквозь старые занавески. Закутавшись в халат, я выхожу в сад – мне хочется ощутить под босыми ногами влажную землю. Воздух чистый, с привкусом дневного тепла, небо расчерчено розовыми царапинами. Приятно сознавать, что лишь я дышу воздухом в этот час. Меня подавляет мысль о том, что в городе миллионы легких делают безостановочный вдох-выдох вокруг меня. Нас стало слишком много на планете, и это уже сказывается. Шторы в окнах у соседей наглухо закрыты. Интересно, какие им снятся сны? Бывают ли у них кошмары? Они должны выглядеть сейчас совсем иначе, чем днем – расслабленные, с полуоткрытыми ртами, со сползшими с кровати одеялами. Возможно, мы могли бы сказать сейчас друг другу что-то еще, кроме заезженного «доброе утро».

Я иду полюбоваться на свои подсолнухи. Они росли дружно, уверенные в том, что каждому хватит солнца, каждый сможет стать таким, как нужно в подобающий момент. Мало кто

из людей добивается того же, чего добивается природа без особых усилий и практически без осечки. Мы не знаем, кто мы такие и как нам надо функционировать, тем более не догадываемся о том, как правильно цвести. Слепая природа! *Homo sapiens!* Кто и кого дурачит?

И что же мне делать? – обращаюсь я к малиновкам, гнездящимся на стене. Малиновки – очень верные создания. Каждый год они празднуют свадьбы теми же парами, что и раньше. Мне нравится вызывающе красный герб у них на груди, как смело они бросаются за червяками прямо под мою лопату. Всякий раз, когда я копаюсь в саду, маленькие птички разделяются с вредителями. *Homo sapiens.* Слепая природа.

Я ощущаю собственную беспомощность. Почему, интересно, такое существо, как человек, не обеспечено каким-нибудь специальным приспособлением для разрешения нравственных вопросов?

В моих проблемах нет ничего необычного:

1. Я люблю женщину, которая замужем.

2. Она полюбила меня.

3. У меня есть моральные обязательства перед другим человеком.

4. Как мне узнать, надо ли стремиться к Луизе всей душой или, напротив, всячески ее избегать?

Мне могла бы все объяснить церковь, мне пытались помочь друзья, можно было бы взять курс на стоическое воздержание и сбежать от соблазна или, наоборот, поставить паруса и ловить попутный ветер.

Впервые в жизни я хочу поступить правильно, я хочу поступить верно, а не идти на поводу у своих желаний. Наверное, за это спасибо Вирсавии...

Вспоминаю, как она пришла ко мне вскоре после своего возвращения из Южной Африки. Перед ее отъездом ей было выставлено условие: либо он, либо я. Ее глаза, что часто наполнились слезами жалости к себе, глядели на меня с укором за еще один любовный захват. Она все-таки пообещала принять решение, и оно оказалось не в мою пользу. Ладно. Прошло полтора месяца. В сказке про Румпельштильцхена мельникову дочку запирают в подвал, полный соломы. Назавтра ей надо перепрясть солому в золотую пряжу. Вирсавия одарила меня лишь охапками соломы, но когда она была со мной, мне казалось, что данные ею обещания высечены в драгоценном камне. После ее отъезда мне пришлось долго разгрести солому и выметать мусор. И тут вдруг появляется она и как ни в чем не бывало, не помня о своем обещании, мило осведомляется, почему я ей не звоню по межгороду и не отвечаю на ее открытки до восребования.

– Мы уже все выяснили.

Она просидела у меня в молчании почти пятнадцать минут, но мне удалось ни разу не шелохнуться, намертво обхватив ногами кухонную табуретку. Тогда она спросила, есть ли у меня кто-нибудь. Мое «да» было коротким, туманным и двусмысленным.

Она кивнула и повернулась к выходу. Подойдя к дверям, вдруг обернулась:

– Да, я хотела тебя предупредить перед нашим отъездом, да забыла.

Мой взгляд был быстрым и, наверное, враждебным. Мне было тошно слышать это ее «нашим».

– Да, – продолжила она, – Урия подхватил триппер у женщины, с которой он переспал в Нью-Йорке. Ну, он, конечно, переспал с ней, просто чтобы отомстить мне. Но ничего не сказал, и врач думает, я тоже его подхватила. Но я пила антибиотики, так что, возможно, все в порядке. Я хочу сказать, и с тобой, возможно, все порядке. Но все-таки нужно провериться.

В руках у меня вдруг оказалась оторванная ножка табуретки. Хотелось хорошенько вмазать по ее раскрашенной физиономии.

– Ты дерьмо!

– Не надо так!

– Ты ведь клялась, что не спишь с ним больше!

– Я подумала потом, что это будет несправедливо. Мне не хотелось разрушать до конца то небольшое сексуальное доверие, которое у нас с ним было.

– Именно поэтому ты просто не потрудилась сообщить ему, что он не знает, как заставить тебя кончить.

Она не ответила. Теперь она пустила слезу, но для меня слезы ее были слишком жиденькими. Атака началась по всем фронтам:

– Как долго вы женаты? Брак, образцовый во всех отношениях. Десять лет? Двенадцать? И ты не можешь попросить его сунуть голову тебе между ног, поскольку считаешь, что он найдет это безвкусным? И ты еще говоришь о каком-то сексуальном доверии?

– Прекрати! – Она оттолкнула меня. – Мне надо домой.

– Семь вечера! Пора возвращаться домой! Ну, конечно! Отвалить с работы пораньше, успеть потрахаться часа полтора, расслабиться, чтобы с улыбкой появиться на пороге: «Здравствуй, милый», – и заняться стряпней к ужину?

– Кончай, дай мне пройти! – сказала она.

– Да уж, «кончай»! Со мной ты кончала, и когда у тебя были месячные, и вымотанная, и усталая! Я-то знаю, как заставить тебя кончить!

– Не думаю, что дело было только в тебе. Нам было хорошо вместе. Я тогда возбуждала тебя.

– Да, возбуждала! И что самое нелепое, возбуждаешь до сих пор!

Она взглянула на меня:

– Ты отвезешь меня домой?

Тот вечер я до сих пор вспоминаю со стыдом и отвращением. Нет, мне не пришлось отвозить ее домой. Но мы прошли по темным улицам почти до ее дома – только шуршал на ней плащ да дипломат хлопал по ноге. Она, как Дирк Богард, так гордилась своим профилем, а тусклый свет фонарей еще больше усиливал эффект. Мы простились с ней там, где она без опаски могла добраться до своих дверей, и несколько секунд еще слышался стук ее каблуков. Но вот шаги смолкли. Она остановилась. Так было всякий раз: она поправляет макияж, прическу, стряхивает всякое воспоминание обо мне с себя и со своей одежды. Скрип калитки, лязг ключа в замке. Теперь они оба в квадрате четырех стен, делят друг с другом все, включая болезнь.

По пути домой мне приходилось дышать очень глубоко – меня трясло и не отпускало. Вина ведь не только на ней, но и на мне. Не позволю я этому случиться, не вступи в сговор с обманом, не сожги собственную гордость, ничего бы и не было, разве нет? Я – ничто, я – кусок говна, я заслуживаю Вирсавии. Самоуважение. Да этому только в армии учат. Наверное, там мне и место. А в графе «Личные интересы» на призывном участке написать: «разбитое сердце»...

На следующий день, в клинике дурных болезней, моему взору предстали собраты по несчастью. Там были и парни «мне-все-нипочем», и разжиревшие бизнесмены, прячущие под короткими пиджаками выпуклый животик. Разумеется, там были уличные девицы, но и другие, обычные женщины, тоже. Женщины с глазами, полными страха и стыда. Что же это за гнусное место? Почему никто не предупредил их? «Кто тебя этим наградил, лапочка?» – хотелось мне спросить у женщины средних лет в летнем ситцевом платье. Она долго рассматривала стенд с плакатами о гонорее, а потом попробовала сосредоточиться на своем журнале «Сельская жизнь». «Да разведись ты с ним! – хотелось крикнуть мне. – Думаешь, он тебе впервые изменил?» Тут ее позвали, и она скрылась в унылом белом кабинете. Приемная могла бы получить приз в конкурсе на лучшее преддверие Страшного суда: бачок с кофейной жижей, ободранные больничные банкетки, пластиковые цветы в пластиковых горшках и повсюду на стенах, снизу

доверху – выцветшие плакаты и вырезки с изображением всевозможных заболеваний половых органов и мутных выделений. Впечатляет, сколько дряни может поместиться на столь небольшом количестве плоти.

Ах, Вирсавия, как это не похоже на элегантную обстановку твоего кабинета. Там, где частные пациенты могут удалять зубы под музыку Вивальди и наслаждаться двадцатью минутами заслуженного отдыха на удобном диване. Где всегда свежие цветы благоухают в красивых вазах, а ты угощаешь ароматным травяным чаем. Когда ты прижимаешь головы пациентов к своей груди, им не страшен ни шприц, ни игла, даже твой белый халат больше не пугает их. Мне нужна была лишь коронка, но ты одарила меня королевской короной. К сожалению, право владеть ею было мне предоставлено только с пяти до семи вечера в будни, да еще в те редкие выходные, когда он уходил играть в футбол.

Меня вызвали.

– Нашли?

Медсестра посмотрела на меня с выражением смертельной скуки:

– Нет.

Затем принялась заполнять формуляр и сообщила, что мне нужно прийти еще раз через три месяца.

– Зачем?

– Болезни, передающиеся половым путем, обычно не являются случайностью. Если ваши привычки таковы, что вы подхватили заболевание один раз, то вполне возможно, что вы заразитесь и еще. – Она замолкла, а потом добавила: – Мы все – рабы привычек.

– Но у меня же нет никакого заболевания.

Она открыла дверь.

– Трех месяцев будет вполне достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.